

Актриса не среднего рода

Лев НОВИКОВ

НАЧАЛА Татьяна Васильева стала известна как актриса под фамилией Ищюкович, когда в 1969 году она пришла в Театр сатиры. До поступления в институт она жила в Ленинграде, откуда ее любимый, наивный папа приезжал специально в Москву, чтобы упротить педагогов отчислить дочь с актерского факультета и не портить девочке жизнь. Как он, бедный, ошибался! Подобно многим, Таня Ищюкович подала документы почти во все московские театральные вузы. Но в отличие от многих она была зачислена сразу во все.

Учась в мхатовской школе, она уже тогда поражала тем, как естественно в ней сочетались традиционный для этой школы психологизм и вкус к эксцентризму, к созданию образ-маски. В дипломном спектакле «Мизантроп» она сыграла Коломбину — клоунессу с лицом мадонны, которая легко, как по воздуху, может ходить по проволоке. С той поры эта актриса остается как бы одновременно ученицей и Станиславского, и Мейерхольда.

В Театре сатиры долгое время не знали, куда эту клоунессу пристроить: рост баскетболистки — ни одному партнеру не дотянуться, лицо — совершенно детское, но хриловато-тягучие интонации низкого голоса отдают чем-то декадентским. Она очень хотела сыграть Пеппи Длинныйчулок в постановке Марка Захарова. Ей отказали по вышеперечисленным причинам и предложили другую роль. Уже выросшие дети двадцатилетней давности до сих пор не могут забыть ее клоуна-ребенка по имени Бук.

Выйдя замуж и сменив свою неблагозвучную по «пятому пункту» фамилию на простую русскую, Татьяна Васильева стала привлекательной не только для театра, но и для кино. Была сыграна масса занятных персонажей, вроде подруги героини фильма «Самая обаятельная и привлекательная». Будучи лишена права на роскошь отказа (семья, дети), Васильева честно отработывала свой хлеб во всем том, названия чего сегодня уже и сама вспомнить не может. Это было и в кино, и в театре — важнейшим из искусств часто становится то, за которое платят. Тем не менее ни один критик не сказал о ней, что она хоть что-то из этой ерунды сыграла неинтересно.

С институтом «звезд» у нас все далеко не так замечательно, как это пытаются представить светские хроникеры. Но Татьяна Васильева — безусловная «звезда» и по количеству отснятых киноматериалов, в которых режиссеры хотели снимать именно ее, актрису, которая поднимет общий уровень картины и привлечет массы; и по умению чутко реагировать на тенденции мировой моды, создавая притягательный имидж женщины-победительницы. Это — черты, не слишком свойственные нашим широтам. Это голливудско-бродвейский тип актрисы. Описать его, не используя иностранных слов, невозможно. В слове «обаяние» нет того блеска, что в слове *charm*. В слове «женственность» нет той четкости, как в слове *glamour*. И даже в слове «тренировка» нет должной жесткости, как в слове *training*. Татьяна Васильева, по сути, заморская птица в нашем курятнике. Недаром именно она из всех московских актрис привлекла внимание такого влиятельного в мире моды и стиля журнала, как *Vogue*.

— Вы сожалеете, что слава пришла к вам поздновато? Может, это было связано с особенностью вашего женского типа, который стал наконец востребованным?

— У меня вообще многое поздновато приходит. Но обязательно — приходит. Тут все сошлось: и политические перемены, когда люди стали проявляться свободнее, естественнее, и у меня внутри, в душе накопилось то, что я смогла так же откровенно высказать в ролях. Иногда меня даже упрекают, что слишком откровенно... Но дело не только в женском типе, который дан природой. Важнее другое: я хорошо чувствую, какой тип сейчас может быть востребован. У меня хорошая интуиция. Актрам она подчас заменяет все: ум, природные свойства. Актриса с интуицией многого добьется, даже если у него не будет ни ума, ни образования, ни красоты. Таких самородков в наше время, конечно, не бывает. Но я их еще застала в театре. Во всем, кроме сцены, они были похожи на людей, только что вышедших из тайги. Вообще, я замечаю, чем меньше актер цивилизован, тем он интереснее.

— К вам эта теория, по-моему, неприменима. Хотелось бы верить. Но, возможно, это мой недостаток. Те актеры меньше всех остальных подвержены штампам. Не только заемным, но и своим собственным, от которых никуда не деться. Потому что они уж совсем ничего не соображают, даже того, что сами

представляют из себя. Впрочем, у меня тоже бывают такие моменты, когда я делаю то, что объяснить не могу. Это и есть та самая интуиция. Актерский профессионализм во многом — это дело пустое, приходящее и преходящее. Это просто хорошее приложение к твоему «я», к тому, что от Бога дано. Все равно, если долго не выходишь на сцену, начинаешь дергаться, как в первый раз...

— А приходилось ли вам бороться с тем, что дано от Бога?

— Не только мне. Все вокруг боролось. Я вообще ни во что не вписывалась: ни в какие-то внешние стандарты, ни в принятую манеру актерской игры. Я-то понимала, что смогу сыграть все. А режиссеры не понимали, какие роли мне давать. И давали чаще всего те, где мне приходилось с собой бороться, со своей индивидуальностью — подгонять ее под какие-то амплуа и рамки. Кто я, какая актриса по-вашему?

— По-моему, вы — Пьеро, белый клоун.

— И все? Я обожаю цирк. Даже мечтала когда-то поработать клоуном на арене. Но, к примеру, в «Орестее» я сыграла роль, в которой нет ничего балаганного, клоунского. И по замыслу режиссера даже нельзя было привнести какие-то элементы комического. Нет, я думаю, нельзя определить одним словом, что я такое. Если бы был режиссер, готовый каждый раз меня открывать по-разному! Но они все заинтересованы в том, чтобы себя раскрыть. А для этого нужны разные актеры — вон их как много.

— Многие роли у актрис уходят из-за возраста...

— Меня возраст не смущает. Джульетта из меня, конечно, не получится, но репертуар, который я могу играть, огромен. К тому же сейчас я в очень хорошей форме. (В конце января состоялись две премьеры спектаклей с участием Т. Васильевой. — см. «ОГ» № 4. — Прим. ред.)

— Кто помогает вам работать над этой формой, над имиджем?

— Главным образом — моя интуиция. Я почти не пользуюсь косметикой. Накрашенное лицо для меня — пытка. Но к театральному гриму отношусь иначе. Мне нравится смелый грим, изменяющий лицо. Когда я работаю с таким стилистом, как Лев Новиков, то получаю огромное удовольствие. А так — чем больше я из себя представляю как актриса и как личность, тем меньше меня интересует, что обо мне скажут и как я выгляжу. Быть такой, какая я есть, это, конечно, большая роскошь, но я ее заслужила.

— Вы умеете нравиться. А кто вам самой нравится из актрис и актеров?

— Приязнь к типу или стилю для меня продиктована больше талантом, чем внешними данными. Анна Маньяни, Джульетта Мазина, Фаина Раневская, Мерил Стрип: они разные, но для меня все они — божественные. Что касается мужчин... На экране мне всегда нравились Мастоянни. Пожалуй, еще Джек Николсон, Микки Рурк. Но это для меня не слишком принципиально.

— Вы так равнодушно перечислили экранных секс-символов!

— Знаете, актеры все — среднего рода. И секс-символы тоже.

Беседовала Ирина ЛЮБАРСКАЯ